

Наталья Тамбовская

Счастливое совпадение

Концерт Сергея Мальцева и Елены Рубин
в малом зале имени М.И. Глинки

Человек счастлив — когда испытывает чувство благодарности. Эта простая истина открылась мне давно. И должна признать, именно опыт общения с музыкантами помог этому открытию состояться. С тех пор, когда в душе возникает трудно передаваемое словами ощущение согласованности, умиротворения или восторга, я стараюсь не миновать, хотя бы в мыслях, того, кому хочется сказать всего лишь одно слово: спасибо!

У слушателей, собравшихся 4 марта в Малом зале имени М.И. Глинки, было как минимум три повода почувствовать себя счастливыми. Во-первых, благодаря Брамсу. Мир его вокальной лирики изыскан и благороден, многогранен и хрупок... Чтобы проникнуть в него недостаточно универсальной «отмычки», здесь нужен поистине золотой ключ, именуемый талантом и мастерством. Елена Рубин, известная петербургская оперная певица, солистка Театра имени М.П. Мусоргского, думаю, для многих в тот вечер открылась с несколько неожиданной стороны — как первоклассная исполнительница камерной музыки, виртуозно владеющая не только сугубо вокальными секретами, но и богатейшей палитрой эмоциональных состояний, без чего этот прихотливый жанр попросту немислим. И безусловно, главным «виновником» того, что обычный, казалось бы, и не очень-то разрекламированный филармонический концерт стал подлинным событием петербургской музыкальной весны, явился Сергей Михайлович Мальцев.

Не перевелись еще, слава Богу, праведники, чей каждодневный подвиг, лишенный какой бы то ни было суеты, служит надежной защитой, настоящей охранной грамотой для пресловутой системы ценностей, убергая ее от роковой деформации. Сергей Михайлович — из их числа. Замечательный пианист, ученый, педагог... Любая ипостась его творческой природы — пример искренней и бескорыстной самоотдачи, абсолютного совпадения с призванием. Стройность мысли и тонкость слуха, качества, основополагающие для того, что в свое время было осознано как петербургский (ленинградский) стиль, определяют и индивидуальный стиль Сергея Мальцева.

Программа, предьявленная публике 4 марта, — убедительное тому свидетельство.

Сама по себе заявка на монографический Liederabend из сочинений Брамса, предполагает творческую смелость и серьезную степень ответственности исполнителей. Подобная афиша давно не украшала филармонический фасад. Пожалуй, последний раз в продолжение всего вечера песни Брамса звучали в Малом зале в исполнении Александра Князева, переложившего их для виолончели. С тех пор прошло более двух лет. Не удивительно... Миниатюры Брамса, вокальные в особенности, одновременно притягивают и отпугивают многих музыкантов. Притягивают неизъяснимой красотой, отпугивают афористичностью, странным сочетанием немецкой строгости и тем трудновыразимым состоянием, которое точнее всего назвать «славянской душевностью».

Сергей Мальцев вместе с Еленой Рубин отобрали для каждого из отделений концерта по 7 песен, между которыми, в соответствии с внутренней драматургией программы, были вкраплены 4 интермеццо из 116 и 118 opus'ов, — замечательная идея, выявляющая суть этих гениальных бессловесных размышлений! Программу в целом, по аналогии с заглавием одной из песен, можно было бы назвать «Словно элегия...». Воспеванию любви посвящен был каждый музыкальный такт. Но сколько при этом оттенков!..

В первом отделении преобладала более интимная интонация. Слезы, катящиеся по лицу, слезы, источаемые сердцем, чаяние смерти и тщетный поиск счастья, — таков общий круг образов и настроений. «Майская ночь (слова Хёлти), «Песня девушки» и «Воскресным утром» (слова Хайсе), «Глубже всё моя дремота» (слова Линга) — первый вокальный блок, выдержанный в благородных, печальных, но отнюдь не сентиментальных тонах, проинтонированный ровно и чисто (какое наслаждение поддаться спокойному, нефорсированному течению голоса солистки, его завораживающему тембру, раскрывающемуся в *riano*, подобно ночному растению!), подытожен был ми-минорным Интермеццо (opus 116). Роль Сергея Мальцева в создании концертной программы, конечно, не сводима лишь к функции концертмейстера. Драматург, автор подстрочных переводов текстов, тонкий ансамблист и превосходный солист, — в каждом амплуа проявился его сосредоточенный интеллект и артистическая фантазия. Внешний аскетизм (ни одного случайного жеста за инструментом, практически неподвижный во время исполнения корпус) только помогает оценить мудрую сдержанность и деликатность звукоизвлечения. Одно из главных достоинств - совершенная артикуляция. Слушая Мальцева, не скажешь, что звук «будто рождается из воздуха». Его звук обладает плотностью, отчего фразировка обретает почти скульптурную пластичность. Даже паузы, кажется, имеют некий контур... В динамической шкале преобладают разнообразные градации *riano*, но в этом «в полголоса», не теряется ни единый нюанс, ни один отзвук внутри многослойной брамсовской фактуры.

«Смерть — это прохладная ночь» — кульминация первого отделения. Впервые прорвавшееся (и так долго и терпеливо подготавливаемое!) *forte* — как вспышка неукротимой надежды, идущей об руку с отчаянием. И снова — уход в тишину, укорененную в глубоких басах рояля.

Затем, через ля-минорное Интермеццо — «О, любимые щечки!» (слова Флеминга) — как связующий аккорд в модуляции настроения. Текст и музыка пронизаны ожиданием счастья, и в голосе солистки, умело справляющейся с непростыми штрихами, сквозит улыбка...

Второе отделение, более светлое, более экстравертное по характеру — «Словно мелодии» (слова Грота), «Ода Сафо» (слова Шмидта), «К соловью» (слова Хёлти), «Серенада», «Напрасная серенада» (народный текст), «Любовная песнь миннезингера» (слова Хёлти) — увенчалось настоящим апофеозом любви, страстным, порывистым исполнением «Как сирень, расцветает любовь моя» (слова Ф. Шумана).

Чистота замысла и точность воплощения... Как просто, казалось бы. Но не часто встречаешься с таким счастливым совпадением. Впрочем, чувство ответной благодарности от этого только возрастает.